

3. ПЛАТИНА И АЛМАЗЫ КАМЧАТКИ

Платина (лат. Platinum), P, химический элемент 8-й группы периодической системы Менделеева, атомный № 78, атомная масса 195,09, относится к платиновым металлам. Ковкий. Температура плавления 1772 град. С. Используется в электро- и радиотехнике, ювелирном деле.

Алмаз - минерал, одна из кристаллических полиморфных модификаций углерода (C). Драгоценный камень 1-го класса. Самый твердый минерал (твердость 10). Разновидности алмаза - баллас, карбонадо, борт. Кристаллизуется в кубической сингонии. Бесцветные или окрашенные октаэдрические кристаллы. Крупнейшие в мире алмазы: "Куллинан" (3106 карат), "Эксельсиор" (971,5), "Джонкер" (726).

"Советский энциклопедический словарь", М., "Советская энциклопедия", 1987 г.

ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

1.

Осенью 1947 года отряд геологов Пенжинской экспедиции сплавлился на плотках по реке Белой. Плоты были тяжело гружены большими плотными мешками, и молочные воды Белой то и дело перекидывались через них.

Все лето геологи отбирали большевесные пробы из террасовых и пойменных отложений рек, русла которых пересекали так называемые гипербазитовые массивы. Для чего это делалось, было неведомо даже некоторым из них. Знал лишь начальник партии Николай Сергеевич Чугунов да еще, наверное, прораб. Но они предпочитали об этом не говорить. И вот теперь эти пробы предстояло сплавить вниз, в Усть-Пенжино, на перевалочную базу экспедиции.

Устояв в потоках Белой, плоты вышли на струи реки Пенжины и, тяжело покачиваясь в них, пошли вниз, огибая ржаво-коричневые скалы большой сопки. Передним плотом управлял Чугунов. На одной из струй плот сильно качнулся, под тяжестью мешков потерял равновесие и перевернулся. Чугунов полетел в холодную воду. Выплыть он не смог...

Кто бывал на реке Пенжине в районе поселка Каменского, тот видел большой крест, стоящий над водой. На картах это место обозначено точкой и надписью "Могила Чугунова". А речной мыс, на котором возвышается крест, носит имя погибшего геолога.

Со временем стало известно и о содержимом мешков, которые сплавливали люди. В них действительно были пробы рыхлых речных отложений. Упакованы они были так, чтобы из мешков не просыпалось и крошки. В этих пробах могли быть... алмазы.

Да, именно в 1947 году геологи Дальнего Востока получили совершенно секретные инструкции о начале поисковых работ на алмазы. И этот первый "алмазный" год завершился трагедией. Но это, увы, была не последняя трагедия, связанная с алмазами...

В сентябре 1953 года в Усть-Камчатской геолого-геоморфологической партии, работавшей на полуострове Камчатского мыса, пропали два молодых геолога - Юрий Николаевич Гринченко и Юрий Григорьевич Кузнецов. Пропали бесследно, словно растворясь в безмолвии гор и снегов. Рабочие, которые были с ними в маршруте, вернулись, а геологи - нет. Их искали долго, почти год. Для поисков была организована специальная партия, в состав которой вошли следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР, следователь прокуратуры Камчатской области и два сотрудника КГБ. Кроме версий об убийстве и несчастном случае была и другая, на первый взгляд неожиданная - диверсия.

Случайно ли все это? Почему такое внимание было уделено двум обыкновенным геологам с далекой Камчатки? Почему о результатах поисков постоянно справлялся сам министр нефтяной промышленности СССР К. Н. Байбаков (ему тогда подчинялись геологи Камчатки)? Почему вместе с поисковой партией по горам, в глубоких снегах лазил заместитель начальника Камчатского геологического управления по политической части? Почему чекисты держали поиски в поле своего внимания?

Да, читатель, вы уже, наверное, поняли, что пропавшие геологи тоже занимались совершенно секретной, государственной важности работой - искали алмазы. Алмазы, которых тогда еще не было у СССР, а точнее - тогда еще не было алмазов Якутии...

Чтобы не только геологам, но и обычным читателям стало понятно, почему алмазы искали на Камчатке, необходимо пояснить, что первые алмазы на территории СССР были обнаружены в уральских россыпях платины. А так как платину связывали с горными породами ультраосновного состава (с очень высоким содержанием магнезии и низким содержанием кремнезёма), то и направили дальнейшие поиски в те районы, где были известны массивы таких пород. На Камчатке ультраосновные породы выходили на дневную поверхность на полуострове Камчатского мыса, в Пенжинском районе, острове Карагинском и вблизи озера Начикинского.

В Пенжинском районе, как было сказано выше, поиски алмазов начались уже в 1947 году, на острове Карагинском - в 1952 году, на полуострове Камчатского мыса - в 1953-м. Поиски проводились с помощью маршрутов и многообъемного (до 100 м куб.) опробования рыхлых речных отложений, которые тщательно промывали. Алмазов нигде не нашли, зато потеряли трех хороших геологов...

2.

Итак, геологи Гринченко и Кузнецов исчезли в 1953 году, когда Усть-Камчатская геолого-геоморфологическая партия № 36 Камчатского геологического управления вела поиски алмазов на перспективной площади полуострова Камчатского мыса (ныне - Камчатский полуостров). База партии располагалась в нижнем течении реки Белой, недалеко от

озера Нерпичьего. Руководил партией геолог Аркадий Иванович Юдин. Кроме Гринченко и Кузнецова в партии работали геологи Диана Тимофеевна Гречинская (будущая Макарова), минералог Таисия Игнатьевна Горбатюк, коллекторы Василий Андреевич Ситников и Иван Гаврилович Шангин, техник-геолог Александр Деомидович Зубко. Кроме того, было много студентов-практикантов, радист, лаборанты, рентгенолог и 24 человека рабочих (134).

Почти ежедневно, как и полагается на полевых работах, геологи с рабочими уходили в маршруты, чтобы проводить исследования. Вот и в тот день, 26 сентября 1953 года, все разошлись по заранее намеченным местам. Геологи Гринченко и Кузнецов, взяв с собой рабочих Ивана Федоровича Исакова и Сергея Георгиевича Афанасьева, отправились в центральный горный район полуострова. Их целью было изучение строения современной коры выветривания в районе безымянной вершины с отметкой 1100,7 м.

Надо отметить, что центральный горный массив полуострова является крайне сложным для передвижения и работы. Ни троп, ни тем более дорог там нет. Склоны гор резко поднимаются вверх, а на юге и юго-западе вообще круто обрываются к Беринговому морю. Многочисленные реки и ручьи - типично горные с крутыми склонами, порогами и водопадами. Даже названия местных рек подчеркивают их яростный характер: Стремительная, Порожистая, Белая, Быстрая, Мутная, Перевальная. Утонуть в этих реках нельзя, они, в принципе, неглубокие, но быть сбитым течением и разбитым о камни можно.

Среднегодовая температура в этих местах приближается к нулю, подолгу держится пасмурная погода, часто наплывают туманы и идут дожди. Растительность бедная, а на высоте более 300 метров она представлена лишь ольховыми стланиками да травами субальпийских лугов. Вершины и гребни перевалов вообще голые, каменистые, а истоки рек представляют собой днища древних трогов, на которых лежат ледники высотой до 25 метров.

Вот в эти суровые места и отправилась группа из четырех человек, взяв с собой вьючную лошадь. Поднимались по долине реки Белой. К вечеру того же дня дошли до границы леса и в точке под условным названием "У последних берез" заночевали.

Утром отправились дальше. Поднялись на водораздел и дошли до намеченной вершины 1100,7 м. Сгрузили с лошади инструменты, продовольствие и отправили рабочего Исакова вместе с лошадью назад, к точке "У последних берез", где он должен был разбить промежуточный лагерь и ждать окончания работ на вершине.

Дальнейшие события можно проследить по рассказу только одного человека - горнорабочего Афанасьева. Геологи дали ему задание вырыть три канавы: одну здесь же, на вершине, и две - ниже по гребню склона. Ночевали все вместе, а утром 28 сентября Гринченко и Кузнецов, взяв с собой продуктов на три дня, ушли в маршрут в верховья рек Стремительной и Пикеж.

Оставшись один, Афанасьев весь день копал канавы. К вечеру погода стала ухудшаться, подул сильный ветер, пошел дождь. Рабочий укрылся в

палатке, а утром обнаружил, что палатка занесена снегом. Ему стоило больших трудов откопаться из-под снега и выбраться наружу. Непогода продолжалась, вершины гор буквально содрогались от штормового ветра со снегом. Афанасьев решил не испытывать судьбу на совершенно голой вершине и стал спускаться вниз. 30 сентября он пришел на основную базу партии в низовьях реки Белой. Здесь все эти дни шел дождь, и только во второй половине дня 1 октября наступило незначительное улучшение погоды. 2 октября выглянуло солнце, день был ясным, ветер умеренным. Но геологи Ю. Н. Гринченко и Ю. Г. Кузнецов на базу не вернулись. Не пришли они и на другой день. Тогда начальник партии А. И. Юдин решил организовать поиски.

Они продолжались до 26 октября, пока не выпал глубокий снег, но результатов не принесли. Геологи обошли все места возможного пребывания Гринченко и Кузнецова, но не нашли ни только самих пропавших, но и ни одной их вещи. Правда, были обнаружены следы их сапог в верховьях реки Белой, ведущие к перевалу в долину реки Стремительной, и в верховьях реки Пикеж, ведущие вниз по этой реке. Кроме того, было установлено, что в те трагические дни в устье реки Первой Перевальной находились солдаты строительного батальона с маяка "Африка", которые занимались охотой, а на мысе Камчатском находились охотники из села Усть-Камчатск. Но эти факты поискам ничего дополнительного не дали.

Тогда прокуратурой Камчатской области было возбуждено уголовное дело. Но по настоянию родственников пропавших, а также учитывая то, что геологи Гринченко и Кузнецов занимались совершенно секретными работами по поиску алмазов, имели при себе документацию, отражающую эту тему, а исчезновение их произошло в пограничном районе, дело было передано в прокуратуру РСФСР. Кроме того, к нему подключились чекисты. Министр нефтяной промышленности СССР К. Н. Байбаков своим приказом № 55-с от 4 мая 1954 года дал указание начальнику Камчатского геологического управления Е. И. Тухтину организовать специальную партию для поисков пропавших геологов или установления истинной причины их исчезновения.

Вскоре специальная партия была создана. Она получила кодированное название - партия № 70. Начальником партии назначили Александра Деомидовича Зубко. В штате партии состояли И. Г. Шангин, Б. С. Гладких, В. А. Ситников, М. Ф. Власенко и М. И. Терехов. Кроме того, в ней было 10 рабочих, в числе которых тот самый горнорабочий С. Г. Афанасьев, последним видевший пропавших геологов. В распоряжение партии дали шестерых бойцов-пограничников. Изъявил желание работать в партии отец одного из пропавших - Ю. Г. Кузнецова - Георгий Павлович Кузнецов. Приняли участие в поисках заместитель начальника Камчатского геологического управления по политической части М. Л. Артеменко, следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР С. В. Голомысов, следователь прокуратуры Камчатской области С. Н. Шалыгин и два сотрудника КГБ по Камчатской области Молоканов и Ложкин.

Летом 1954 года на полуострове Камчатского мыса работала партия № 68 под руководством геолога Дмитрия Евгеньевича Саватеева, сотрудникам которой тогда практически не дали заниматься

геологическими исследованиями, дополнительно привлекая их к поискам пропавших коллег.

Чтобы передать напряженность и сложность поисковой работы, можно привести отдельные выдержки из полевых записей начальника партии № 70 А. Д. Зубко.

"29 июня 1954 г.

Прибыл в Усть-Камчатск, на базу партии в устье реки Мутной.

30 июня 1954 г.

С участием Артеменко М. Л., Кузнецова Г. П. были укомплектованы штаты поисковых отрядов и определены объемы работ на июль месяц.

1. Поисковая группа на р. Мутной - нач. группы Власенко.
2. Поисковая группа на мысу Камчатском - начальник группы Гладких Б. С.
3. Поисковая группа на р. Пикеж - начальник группы Ситников В.
4. Группа по устройству заграждений в устье рек - начальник А. Д. Зубко.

5 июля 1954 г.

Погода: с утра на море густой туман. К 12 часам туман рассеялся, редкая облачность. С группой в составе: 1. Шангина, 2. Дударенко, 3. Власенко, 4. Бабошина, 5. Афанасьева, 6. Симбирцева, 7. Чунихина, 8. Парчайкина с устья реки Мутной вышли на устройство завалов рек Глубокой, Бурной, Стремительной, Порожистой. До реки Бурной шли по пляжу моря. После исследования устья реки Бурной приступили к устройству завалов. Завалы было решено устраивать следующим образом: в узких местах реки с берега укладывали несколько длинных толстых берез и на мертвяки укрепляли их концы. Таким образом получается надежный мост. Затем устанавливали под углом против течения вертикальные перекладины через 20 - 25 см. На реке Бурной решено установить три завала в 800 метрах вверх по течению от устья.

6 июля 1954 г.

Погода: утром редкий туман, незначительная облачность. В 16.00 на бивак пришли Артеменко, Кузнецов, Молоканов и рабочие Белоусов и Борозна, которые идут на маяк "Африка". Весь день занимались устройством трех завалов на реке Бурной.

9 июля 1954 г.

Погода: редкая облачность, солнце. С бивака на реке Бурной один ушел на базу в устье реки Мутной. На реке Глубокой устройство завалов поручил Шангину. Там необходимо устроить два завала в двух протоках. С базы ушел в Усть-Камчатск с целью облетать район.

10 июля 1954 г.

Погода: безоблачная, ветер юго-западный и западный, сильный до штормового. Об облете района договорился с комендантом пограничной заставы т. Яковлевым Михаилом Михайловичем. Из-за сильного, порывистого ветра вылет был отложен.

1 августа 1954 г.

Погода: безоблачная, тихая. Группа в том же составе прошла в верховье реки Белой, к перевалу Белая - стремительная.

До данного места просматривали русло и склоны долины реки Белой. Продвижение отряда в данный промежуток времени очень затруднительно.

Глубокий снег растрескался на отдельные блоки. Трещины глубиной от 10 до 20 метров, ширина их в некоторых местах достигает 5 метров. Проталины в реке с обрывистыми, отвесными, снежными стенами высотой от 5 до 20 метров. Пройти можно только вдоль крутого склона 25 - 40 градусов. Отряд двигался не более 1 км в час. Так как один товарищ из отряда вышел из строя, вынужденно пришлось заночевать в верховье реки Белой.

8 августа 1954 г.

Погода: высокая облачность, тихо. Группа занималась исследованием выходов ультраосновных пород, расположенных на правой стороне долины реки Пикеж. На гребне и распадке обнаружены следы двух людей в резиновой обуви. Хорошая сохранность следов может обуславливаться лишь тем, что на свежие следы тотчас же выпал снег, и под снегом они сохранились до сего времени. Следы прослеживаются на гребне, затем ведут в небольшой распадок и уходят под снег. Размер отпечатка следа на глинистом материале следующий: ширина ступни в самой широкой части 10 см, ширина каблука 8 см, длина 29 см. Данный отпечаток соответствует 42-му размеру высоких резиновых сапог. Следы прослеживаются на расстояние 100 м. На остальной площади никаких следов пребывания исчезнувших геологов не обнаружено. Данные следы могут принадлежать только Гринченко и Кузнецову, так как никто из состава партии на данном участке не работал. Осмотр проведен только на площади, свободной от снега, снегом же закрыто 60 процентов всей площади.

10 августа 1954 г.

Погода: малооблачная, тихая. Группа в составе Шалыгина, Терехова, Пантелеева и бойца Титаренко поднялась вверх по Пикежу, спустилась в верховья р. Стремительной, перевалила в р. Белую и прошла до базы "У последних берез".

Здесь я встретился с тов. Артеменко и Шангиным, которые исследовали высоту 1100,7 м. Я, Терехов и Шалыгин в этот же день ушли на базу партии № 69.

От устья Пикежа до базы партии № 69 - 35 км. Этот путь нами пройден за 10 часов. Можно считать, что средняя скорость натренированного отряда по данному маршруту 3,5 км/час. Исходя из этих данных можно подсчитать, как далеко могли уйти погибшие геологи. От высоты 1100,7 м до базы в верховье реки Пикеж расстояние равно 14 км по карте стотысячного масштаба. Следовательно, на переход этого расстояния они затратили 4 часа. Если они с высоты вышли в 9 часов утра, то в верховье Пикежа они были в 13-14 часов дня. Следовательно, необходимо искать в верховье реки Пикеж их стоянку.

14 сентября 1954 г.

Погода: переменная облачность, ветер от слабого до умеренного. Группа в составе Ярмолюка, Кузнецова, Шангина, Шалыгина, Власенко, Терехова, Паргайкина по два человека поднялись на отроги перевала между реками Белая и Быстрая. Исследовали водораздел до высоты 1100,7 м.

На высоте расчистили канаву около тригонометрического пункта до выхода коренных пород. Глубина канавы 1,5 метра. На дне раскопано кайло, оставленное т. Афанасьевым. Вторая канавка расположена в 400

метрах от триангуляционного знака, также расчищена до коренных пород, глубина ее 3 метра. Обе канавы были расчищены в присутствии Кузнецова и следователя прокуратуры Камчатской области Шалыгина. Осмотрен бивак на высоте 1100,7 м 1953 года. Обнаружены:

1. Бутылка из-под шампанского с запахом керосина;
2. Стеариновая свеча;
3. Пустая консервная банка из-под свиной тушенки, нетто 530 граммов;
4. Мундштуки папирос "Красная звезда" 1-й Ленинградской фабрики;
5. Место костра;
6. Три бревна длиной до одного метра от разрушенного триангуляционного знака.

После детального осмотра окрестностей высоты, отряд разбился на три группы:

1. Ярмолюк, Терехов, Власенко спустились по правому притоку р. Мутной до слияния с левым притоком. Поднялись по левому, перевалили в левый приток р. Белой и по руслу реки Белой вышли к базе
2. Шалыгин, Кузнецов от высоты спустились в долину Белой по ее левому притоку и вышли на базу.
3. Зубко, Шангин, Паргайкин исследовали верховье левого притока р. Быстрой. На крутом склоне в леднике детально просмотрена трещина, длина ее 150 м, ширина вверху от 0,5 до 1,5 м, внизу до 4 м, глубина до 25 метров. Исследовал дно трещин Зубко. Затем по р. Быстрой спустились до правого притока. Спускались по узкой долине с обрывистыми склонами. Русло закрыто снегом мощностью от 2 до 5 метров. Редко встречаются промоины на 100 - 150 м. Затем поднялись к перевалу по левому притоку. С перевала вышли в долину реки Белой по левому ее притоку до базы. Следов пребывания и останков пропавших геологов не обнаружено.

13 октября 1954 г.

Переменная облачность, ветер слабый. Отряд в прежнем составе покинул базу в устье р. Пикеж и по берегу полуострова пришел в село Усть-Камчатск. Маршрутами всего пройдено 850 км. Кроме того, детально изучена площадь, равная..."(135).

В процессе поисков у геологов и следователей возникало несколько рабочих версий гибели Гринченко и Кузнецова. Каждая из них тщательно проверялась.

Версия первая: несчастный случай. Возможных несчастных случаев предполагалось пять: 1. встреча с медведем; 2. большой обвал горных пород в узком скалистом ущелье какой-либо из рек; 3. снежный обвал; 4. падение в трещину ледника, закрытую слоем снега; 5. геологи выбились из сил и замерзли.

Версия вторая: убийство. В этой версии поисковики отработывали четыре направления: 1. Один из геологов был нечаянно, вместо животного, застрелен солдатами - охотниками с маяка "Африка", и, чтобы скрыть следы преступления, был убит и второй геолог. 2. Подобные действия могли совершить охотники из Усть-Камчатска. 3. Случайная диверсия. 4. Целенаправленная (неслучайная) диверсия.

На двух последних гипотезах интересно остановиться подробнее, тем более что именно они, как можно предполагать, интересовали людей из КГБ. Ниже приведены эти гипотезы в описании автора отчета о проделанных поисковых работах А. Д. Зубко.

"Случайная диверсия.

Река Пикеж впадает в плохо выраженную бухту, защищенную с запада Камчатским мысом, с востока - мысом Чертова Мельница. На участке от устья р. Пикеж до устья р. Первой Перевальной не имеется ни кеккуров, ни подводных камней. Глубина залива 22 - 30 м.

Для высадки диверсантов бухта является прекрасным местом, что подтверждается ее удобным географическим положением, близостью крупного населенного пункта, безлюдностью берега. Этот участок полностью закрыт хребтом Камчатского мыса и не просматривается из Усть-Камчатска (расстояние по прямой равно 45 км.). Он не охраняется пограничными постами наблюдения (это мои личные наблюдения, т. к. за два года работы ни мной, никем другим из отрядов и партий пограничников встречено не было). Туман, дождь - самое прекрасное время для высадки диверсантов.

Неслучайная диверсия.

В данном случае очень мало доводов и они не особенно убедительны, но, я считаю, их необходимо упомянуть в данном отчете.

В день приезда партии № 36 в 1953 г. в Усть-Камчатск, я с Д. Т. Гречинской и Т. И. Горбатьюк пришел обедать в столовую рыбоконсервного завода № 66. Так как столики были заняты, то мы остановились около одного, где кончали обедать. Один гражданин (в нетрезвом виде) из обедавших поинтересовался, откуда мы приехали. Мы ответили, что прибыли с материка по вербовке на рыбную ловлю. На это нам гражданин сказал, что мы говорим неправду, что приехали мы на алмазные копи.

Такая осведомленность о наших работах меня очень удивила, т. к. даже рабочие нашей партии не знали, над поисками какого минерала мы работаем. Кроме того, перед выездом в поле, с рабочими была проведена беседа о сохранении государственной тайны и взята личная подписка.

После этого случая можно сделать вывод, что в составе партии № 36 мог быть болтун или предатель" (136).

Далее, в главе "Заключение", автор продолжает: "Если Ю. Н. Гринченко и Ю. Г. Кузнецов были убиты, то их трупы спрятаны на участке от устья р. Пикеж до мыса Чертова Мельница, вероятнее всего зарыты под осыпью или в песок пляжа, что делает невозможным их нахождение обычным путем. Учитывая, что у инженеров были металлические вещи, дальнейшие поиски на вышеуказанной площади проводить нужно с миноискателями и поисковыми собаками"(137).

Увы, с течением времени ни одна из версий так и не проявилась. Далекие, туманные, холодные горы Камчатского мыса продолжают хранить тайну исчезновения или гибели геологов Юрия Николаевича Гринченко и Юрия Григорьевича Кузнецова.

Горы хранят их могилы, река Пенжина - могилу Чугунова. Увы, но это были не последние смерти тех, кто начал искать на Камчатке алмазы...

ОДА ГИПЕРБАЗИТАМ

Камчатка как минимум с мелового периода (около 70 - 130 миллионов лет назад) является активным вулканическим регионом. Причем магма, поставляемая камчатскими вулканами, имеет преимущественно базальтовый состав, то есть, говоря языком специалистов, содержание в ней кремнезема (SiO_2) составляет около половины объема породы, что значительно ниже, чем в других вулканитах - андезитах и дацитах. В начале этого химического ряда находятся так называемые ультраосновные породы - гипербазиты.

Это очень интересные горные породы, которые даже сами по себе являются полезными ископаемыми. Некоторые из них (дуниты) используются в качестве огнеупоров, другие (серпентиниты) - как материал для изготовления растворимых фосфатных удобрений и еще как поделочные камни. Но, что самое замечательное, с ультраосновными породами связаны месторождения никеля, хрома и платины. (В качестве отступления: в 1975-76 годах во время Большого трещинного Толбачикского извержения были взяты для анализа магматические воды базальтов. В них определили палладий, иридий, родий и ураганное содержание платины - от 0,76 до 39,7 мг/л. Платина была также обнаружена при анализе конденсатов высокотемпературных фумарол через год после окончания извержения) (138).

Но и это еще не все. В россыпях платины, связанной с гипербазитами, находили алмазы. В древние и средние века алмазы добывали в россыпях Индии и Борнео, с середины XVIII века - в россыпях Бразилии. Сопоставив все это, геологи и выявили цепочку: гипербазиты, габброиды - никель, хром - платина - алмазы...

А затем начались находки алмазов в кимберлитах - породах того же, ультраосновного ряда. Сначала была Южная Африка, затем Бельгийский Конго, остров Борнео, Британская Колумбия, Южный Квебек и Онтарио (Канада). А к 1946 году стало известно о находке алмазов в обогащенных углеродом гарцбургитах (породы того же ряда) в Южных Саянах. Примерно в это же время в литературе появились сообщения о находках алмазов в вулканических бомбах в Восточной Индии. Сообщалось о находках их в диабазах и миндалекаменных лавах по реке Вааль (Южная Африка).

В 1946 году в мире было уже добыто 2,2 тонны алмазов (как быстро, как резко!). Но почти все они добывались в странах Африки, и лишь 0,08% приходилось на долю Азии и Австралии. В основном их брали из россыпей.

В нашей стране первые алмазоносные россыпи были разведаны в период 1937 - 46 годов на западных склонах Урала (правда, единичные находки там были издавна). Именно тогда и была разработана отечественная методика их поисков и обогащения. В 1947 году искать алмазы стали почти по всей территории СССР, в том числе и на Камчатке (вспомните начало предыдущей главы этого очерка), где было известно несколько массивов гипербазитов (139).

В 1954 году, через год после того, как на Камчатке пропали двое

геологов, занимавшихся поисками алмазов, в Якутии геолог Лариса Попугаева открыла первую отечественную алмазоносную кимберлитовую трубку "Зарница". После этого усилили поиски коренных проявлений алмазов, и именно в этой провинции, и свернули работы по поискам их в россыпях в других регионах, в том числе и на Камчатке.

К 1968 году Камчатку начали рассматривать не только как территорию, перспективную для обнаружения нефти, но уже и как горнорудную провинцию. Особое значение придавали наметившейся Центрально-Камчатской золотоносной зоне, которая прослеживалась более чем на 800 километров вдоль Центрально-Камчатского вулканического пояса, вдоль осевой части полуострова.

Кроме того, геолог Г. М. Власов выделял в пределах Камчатки большую провинцию огромного Тихоокеанского сероносного пояса. Серные месторождения Огненного кольца Тихого океана рассматривались им как верхние зоны молодого рудообразования, что определяло возможность встречи под "шапками" крупных серных залежей различных руд - от мышьяково-ртутных до золотосеребряных и медно-полиметаллических. А известные отечественные геологи Н. А. Шило и С. М. Тильман в районах Северо-Восточной Азии на первый план выдвигали перспективу платиноносности, причем тех территорий, которые приближены к Тихому океану, в том числе и Камчатку. Они связывали эту перспективу с широким развитием здесь протяженных глубинных разломов, вдоль которых наблюдались массивы гипербазитов и габброидов, окруженных ореолами рассеяния минералов никеля, хрома и платины. Ими делался вывод о том, что "промышленные россыпи платины пока не известны, хотя с геоморфологических позиций вся эта область должна рассматриваться как вполне благоприятная для образования аллювиальных месторождений".

Среди первоочередных перспективных платиноносных объектов на территории Камчатской области намечались районы Пенжинской губы, Вывенской зоны Корякского нагорья и Восточно-Камчатский гипербазитовый пояс с его фрагментами на острове Карагинском и на мысах Кроноцком и Камчатском. В этих районах прослеживались многочисленные мелкие рудопроявления хромитов, хотя некоторые из них, например, на острове Карагинском, по параметрам поверхностного оруденения и качеству руд оценивались как возможные промышленные месторождения (140).

С точки зрения глобальной тектоники, к Камчатке с юга пристыкована Курильская островная дуга, а с востока - северо-западная Алеутская гряда. Таким образом, Камчатка занимает угловое, платформенное положение. Похожее положение имеет остров Калимантан в Индонезийском архипелаге. Но именно на Калимантане известны промышленные россыпи алмазов вместе с платиной и золотом! И связаны они с гипербазитами! Почему не быть им и в нашем "углу" - Камчатском?

Таким образом, поиски алмазных россыпей на территориях развития гипербазитов, начатые широким, массивированным фронтом по всей нашей стране в 1947 году, теперь уже конкретно привели исследователей на Камчатку.

НЕИСТОВЫЙ КУТЫЕВ И ДРУГИЕ

1.

В 1968 году в Институте вулканологии появился молодой научный сотрудник Фарид Кутыев. На Камчатку он приехал из Ленинграда, где преподавал в университете одну из геологических дисциплин.

В среде вулканологов Кутыева восприняли неоднозначно. Многие увидели в нем некую легковесность, не свойственную серьезному ученому. К тому же он был чрезмерно энергичен и предприимчив, что также многим не понравилось.

В институте Кутыев начал заниматься дроблением проб и изучением породообразующих минералов, для чего понадобилось построить специальную лабораторию. Один из бывших коллег Кутыева по институту, а ныне известный на Камчатке публицист Алексей Игоревич Цюрупа любезно поделился с автором несколькими страницами рукописи своей книги о вулканологах, над которой работает, и в которой есть несколько абзацев о Кутыеве. Цюрупа пишет: "Кутыев осваивает крупнообъемное опробование, когда каждая проба на дробление состоит из центнеров горной массы. Он оборудует на Верхней Паратунке дробильно-обогадительную лабораторию с бассейном, которая одновременно с успехом выполняет роль загородной дачи для своих и для нужных людей со стороны... Диагностика пылевидных обособлений редких минералов тоже требует специальных методик. Химия тут не годится. Но жена Кутыева - Галина Викторовна - специалист по рентгеновскому анализу. Это как раз то, что нужно! Возникает эффектный творческий тандем".

Легкий сарказм, пронизывающий приведенные строки - это и есть отзвук того неоднозначного восприятия личности Кутыева. И дело даже не в лаборатории, совмещенной с бассейном. По большому счету дело в том, что Кутыев занялся тогда редкой и, как многим казалось, престижной темой алмазов и платины. Во многом для этого он и обрабатывал крупнообъемные пробы, для этого и привлек к работе жену-рентгенолога. "Что такое полевые шпаты, пироксены, роговые обманки? - с иронией восклицает А. И. Цюрупа. - Заурядные породообразующие минералы... То ли дело минералы редкие, ценные: золотишко, платина, алмазы! Одно слово чего стоит! Платина! Алмаз!".

Может быть, Цюрупа и прав, и толчком к увлечению Кутыева алмазами и платиной могла быть престижность темы. Но, честное слово, я бы тоже увлекся, будь такая возможность. И дело не в престиже, а в волшебной таинственности, исходящей от этих слов: платина, алмаз!.. Думаю, что главным было все-таки это.

В 1971 году в ЦНИГРИ (Москва) была разработана программа "Закономерности размещения алмазных месторождений СССР и их прогнозная оценка", которая и увлекла Фариду Кутыева. А чрезмерная энергичность, живость натуры понесли его по теме стремглав, безоглядно, что и получило неодобрение некоторых коллег. Заметим, - некоторых, потому что были и такие, кто смотрел на это по-иному, а то и поддерживал

Кутыева. Один из них - Анатолий Иванович Байков, соратник Кутыева по многим начинаниям и работам.

"Его несло, - рассказывает Анатолий Иванович. - Я ему всегда говорил: "Ученые идут на шаг впереди прогресса, талантливые - на два, а ты, Фарид, делаешь три шага, но третий всегда вбок". Он отвечал, что без этого в настоящей работе нельзя. Энергия у него была потрясающая, как и фантазия. Он вообще слыл фантазером авантюрного склада, иногда от него отмахивались: мало ли что Кутыев нафантазирует... Уж очень оригинально он мыслил. У него, например, есть интересные статьи о строении Земли. Они нестандартные, но их высоко оценивают многие ученые во всем мире...".

Как бы там ни было, но именно энергичность, склонность к нестандартным поступкам и необычным делам, а также наличие лаборатории помогли Кутыеву сделать открытие. Уже в том же, 1971 году в пробе из лавы базальтового конуса Ичинского вулкана (не в гипербазитах!) он увидел в рентгеновских лучах 8 кристаллов алмазов! Размеры их были малы (0.4 - 0.8 мм), форма продолговатая, не характерная для алмазов из кимберлитов Якутии. Ученый мир засомневался. Академик В. С. Соболев потребовал дополнительной информации, подтверждения.

В 1975 году геологи М. Г. Патока и В. С. Шеймович специально взяли несколько штучных проб из той же северной части Ичинской вулканической структуры. И вновь были обнаружены 4 кристаллика, диагностированных алмазами!

В том же году в якутском городе Мирном прошло 3-е Всесоюзное совещание по геологии алмазных месторождений, участники которого пришли к выводу о необходимости всестороннего изучения щелочных гипербазитов и базальтоидов, как генетически связанных с кимберлитами. При этом учитывались и камчатские находки.

Я хочу привести еще одну цитату из рукописи А. И. Цюрупы, посвященную Кутыеву. "В 80-х годах в Институте вулканологии прошла художественная выставка работ его сотрудников: графика, пастель, масло... Кутыев представил множество "пейзажных" яшм, кремнистых сланцев и обсидианов, отполированные пластинки которых были вставлены в изящные деревянные рамочки работы институтского столяра Гены Дорофеева... Фарид Кутыев был художник. А особенность художественного видения и мышления - явный приоритет результата над способом, образа над штрихом, синтеза над анализом. Это способствует открытиям, как откровению, но препятствует доказыванию, как торжеству эмпирики".

Открытия, как откровения... Что же, Цюрупа знал Кутыева. Но, наверное, можно вдохновенно "летать" и чувствовать себя ученым, стремиться к этому высокому званию. Как бы там ни было, но 26 апреля 1976 года Фарид Кутыев защищает диссертацию и становится кандидатом геолого-минералогических наук. У него к тому времени уже около 40 опубликованных работ! А "доказывание"... Будет и это, как читатель увидит дальше. Будет не только эмпиризм, будет и эмпирика. Будет способ, и будет результат.

2.

В 1976 году Центральная геохимическая партия КТГУ, руководимая геологом А. И. Байковым, приступила к методическим литохимическим исследованиям наиболее перспективных рудных районов Камчатки. Кроме того, партия взяла себе и тему по литохимическому исследованию гипербазитов в рамках той самой программы ЦНИГРИ "Закономерности размещения алмазных месторождений СССР и их прогнозная оценка". К этим работам на договорной основе подключились научные сотрудники Института вулканологии Ф. Ш. Кутыев и А. В. Колосков. Со стороны "Камчатгеологии" в ней приняли участие, кроме упомянутого А. И. Байкова, геологи Б. К. Долматов, Е. А. Баженов, Л. А. Агафонова, В. А. Полетаев и Е. Г. Сидоров.

Полевой сезон 1977 года один из отрядов партии, в котором находился и Кутыев, провел на далекой северной речке Айнын - левом притоке реки Таловки. Выбор этого района был не случаен - здесь выходят на поверхность гипербазиты так называемого Куюльского массива, который издавна привлекает внимание геологов.

Все лето отряд проводит в маршрутах, промывальщики не выпускают из рук лотков. Тяжелый труд венчается успехом - в шлихах обнаруживается ювелирная разновидность зеленого граната - демантоид. Это достойная находка! Само название - демантоид, от немецкого Demant - алмаз - чего стоит! Эти камни столь редки и красивы, что ценятся во всем мире. Поставляет их только Италия из месторождения Валь-Малено. В России их почти нет, за исключением коллекционных находок на Урале, Чукотке и полуострове Тайгоносе. Теперь вот появилось еще одно место - Куюльский массив.

Интересно, что самый крупный кристалл демантоида обнаруживает дочка Кутыева - Ася, которую он, вместе с другой дочерью - Аделью, брал с собой в поле. Демантоиды обычно отыскивали после промывки, в сухом шлихе под биноклем, девочка же увидела красивый желто-зеленый кристалл прямо в лотке. Будь это не демантоид, а крупный алмаз, которым присваиваются имена собственные, его бы, конечно, назвали "Ася".

Кроме этого, отряд убеждается в наличии в водотоках знаков россыпной платины и находит несколько положительных факторов, говорящих о возможном присутствии на исследуемой территории алмазов. Среди этих факторов - находка кимберлитоподобных брекчий.

Другие отряды также не остаются без интересных находок-открытий. Геолог Б. К. Долматов отобрал пробу из гипербазитов в бассейне реки Филиппа, и в пробе обнаружился идеально прозрачный мелкий кристалл алмаза. В. А. Селиверстов, А. В. Колосков, Ф. Ш. Кутыев и Ф. В. Каминский в 1979 году нашли единичное зерно алмаза в районе ручья Озерного в Валагинском хребте. Зерно находилось в гипербазитах. В. А. Полетаев и Е. Г. Сидоров обнаружили мелкий алмаз в гипербазитах верховьев ручья Сумного в Елизовском районе, на площади промышленной золотоносной россыпи.

Заключение о диагностировании выделенных кристаллов алмазами подтверждено руководителем группы геолого-минералогических

исследований новых типов алмазного сырья ЦНИГРИ кандидатом геолого-минералогических наук Ф. В. Каминским, а также старшим научным сотрудником ЦНИГРИ К. А. Шепелевой и старшим инженером-аналитиком Л. А. Ткаченко.

В 1980 году Ф. Ш. Кутыевым, А. И. Байковым и Л. П. Аникиным была отобрана большая проба, весом 500 килограммов, из глыб необычных базальтов, найденных в троговой долине между Авачинским и Козельским вулканами. Это были очень плотные, тяжелые, серо-зеленые породы, от которых и куска отколоть было невозможно. Пришлось их разбуривать, разделять на отдельные плиты и в таком виде вывозить. Анализ показал, что глыбы эти - экзотические оливиновые базальты с богатой мелкой вкрапленностью хризолитов, авгитов и хромдиопсидов. Обработать тогда удалось всего лишь 80 килограммов этих крепчайших пород, но и в таком небольшом объеме были найдены 3 кристалла алмазов длиной почти в 2 миллиметра.

Кутыев предложил назвать экзотические базальты авачитами. Это точно определяло географию их нахождения, да и звучало красиво, а потому не вызвало возражений со стороны его коллег.

Надо сказать, что, кроме всего прочего, геологи Центральной геохимической партии проделали большую, кропотливую работу по обобщению сведений о находках платины на территории Камчатки и составили на этой основе каталог, в котором насчитывалось 34 проявления. Вот вам и способ, а вот и результат! Во многом на основе результатов их работы в 1979 году в КТГУ были составлены "Направления и обоснование поисково-разведочных работ на металлы платиновой группы на территории Камчатской области в 1980 - 1990 гг.". Это только внешне казалось, что Кутыев и его коллеги шли от открытия к открытию легко, сдувая пенки. Но нет, работать приходилось много. И, конечно же, совсем не случайно в Институте вулканологии держали группу Кутыева по металлогении гипербазитов как бы обособленно. У нее, как мы видим, были действительно интересные практические результаты.

Например, к 4-й научной конференции по проблемам дальнейшего комплексного развития производительных сил Камчатской области, состоявшейся в Петропавловске в 1980 году, были подготовлены такие доклады, как "Перспективы платиноносности Камчатской области (А. И. Байков, Л. А. Агафонова) и "Медно-никелевое оруденение Камчатской области и перспективы его промышленного освоения" (А. И. Байков, В. Н. Лукьянов, В. М. Еркин). В этих докладах, в частности, ставился вопрос о рентабельности разработки богатых платиноидных медно-никелевых руд Центральной Камчатки. Ф. Ш. Кутыевым, А. В. Колосковым, Б. В. Ивановым, Л. П. Аникиным и другими исследователями был представлен доклад "Металлогения верхней мантии и научный прогноз месторождений полезных ископаемых (Курило-Камчатский регион)", в котором рассматривался вопрос о глубинных, "мантийных" корнях рудных месторождений.

На следующей, 5-й Камчатской геологической конференции, состоявшейся в апреле 1983 года, прозвучали доклады "Генетические типы проявлений металлов платиновой группы в Камчатской области" (А. И. Байков, В. М. Еркин, В. Н. Лукьянов) и "Платиноиды Камчатки" (Ф. Ш.

Кутыев, Е. Г. Сидоров, С. П. Белоусова и др.), в которых описывались черты сходства камчатских платиноидных россыпей с россыпями Урала, Аляски и Калимантана.

В 1984 году в Институт вулканологии переходит из ПГО "Камчатгеология" Анатолий Иванович Байков. Тогда и создается содружество исследователей - инициативная, пробивная группа Кутыев - Байков. Первая их задумка - создание центра по исследованию на Дальнем Востоке платины. Алмазы - да, заниматься ими стоит и надо, но нельзя упускать перспектив на обнаружение промышленной платины. Тем более что оба хорошо знакомы с академиком Николаем Алексеевичем Шило, живущим в Москве, находящимся в опале у партийных и научных руководителей, но все еще удерживающим руки на пульсе геологической жизни страны, и особенно, родного Дальнего Востока. Академик настойчиво советует искать на Камчатке платину, главным образом - россыпную. Он уверен, что платина здесь должна быть Большой.

Фарид Кутыев становится, по выражению Байкова, "глазами и руками Шило вне Москвы", потрясает в коридорах власти, науки и региональных геологических объединений именем знаменитого и авторитетного академика. В течение года удается собрать под знамя "платиновой" идеи руководителей и главных геологов всех дальневосточных геологических объединений и многих институтов. Так создается Межведомственное целевое научно-производственное объединение "Платина". Президентом объединения избирается академик Н. А. Шило, одним из его заместителей - Фарид Шакирович Кутыев.

Главной, конечной целью деятельности МЦНПО "Платина" было создание новой промышленной отрасли Дальнего Востока по добыче и переработке металлов платиновой группы. Планировалось собрать и систематизировать всю информацию о дальневосточной платине, разработать методику поисков ее коренных и россыпных месторождений, создать прогнозно-поисковые карты, разработать технологии добычи руд конкретных месторождений, спроектировать и построить металлургический комбинат с безотходной технологией извлечения платиноидов. То есть в результате должен был появиться законченный цикл научно-производственной деятельности, после чего на Дальнем Востоке засияла бы звезда новой, платинодобывающей промышленности.

Конечно, задача была грандиозной. Но для ее реализации была составлена вполне реалистичная программа, согласованная с ЦНИГРИ и Мингео СССР, а потому фантастической она не казалась. Пуск комбината планировался в 1995 году.

Насколько серьезно энтузиасты дальневосточной платины занимались планированием и выполнением поставленных перед собой задач, говорит один только список членов бюро его научно-технического совета. В феврале 1986 года в составе бюро были не только Кутыев и его ближайшие сподвижники А. И. Байков и Е. Г. Сидоров, но и член-корреспондент АН СССР Е. И. Богданов, доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского горного института В. Г. Лазаренков, генеральный директор ПГО "Приморзолото" В. И. Чехович, генеральный директор ПГО "Севвостокзолото" В. Н. Брайко, заместитель директора ВСЕГЕИ В. М. Терентьев, директор СВКНИИ ДВНЦ АН СССР А. А. Сидоров и

другие. На заседания бюро приглашались руководители территориальных геологических служб, предприятий смежных отраслей, партийные и советские работники регионов Дальнего Востока.

"Вот здесь, в Институте вулканологии, вот в этом кабинете собирались директора и главные геологи со всего Дальнего Востока, Якутии и Магадана, - рассказывает Анатолий Иванович Байков, сидя за столом просторного кабинета, заваленного образцами горных пород и геологическими картами. - Сидели, спорили, решали проблемы. Были собраны все мыслимые и немыслимые предложения, которые мы обговорили, а затем составили ту самую единую, координационную программу "Платина". Прогноз Шило плюс толковая программа - все это было очень серьезно. Не было только денег. Конечно, поддерживал наш институт, тогда это было ему по силам, но остальное приходилось искать нам с Фаридом. Делали договорные работы, сумели увлечь специальной программой "Рациональное использование минерально-сырьевых ресурсов" директора Института металлургии в Москве. Это Фарид, с его фантазией, замахами, масштабами. И ведь находили. А чисто платиновых денег не было, хотя в Мингео СССР мы обращались".

Пока суд да дело, Кутыев, по словам Байкова, "по велению сердца ездил по Корьякии, искал платину. У него была необычная интуиция и умение оценивать ситуацию...". Он был в движении, в поиске, утолял жажду честолюбия и научного любопытства. Его группа состояла из таких же энтузиастов, преданных делу людей, как и он сам. Практически все эти годы с ним работали Леонид Аникин, Евгений Сидоров, Владимир Семенов, Любовь Симонова, Виктор Резниченко. Последний был хорошим промывальщиком, вообще старательным, дотошным человеком. Именно его руками, на его лотке были обнаружены многие интересные находки группы Фариды Кутыева.

3.

В 1982 году геологическая партия прогноза и оценки месторождений Комплексной тематической экспедиции ПГО "Камчатгеология" закончила двухлетнюю работу над оценкой рудной и россыпной платиноносности Камчатской области. Руководил работой В. М. Ёркин, исполняли ее геологи В. Н. Лукьянов, Н. И. Пидорченко и Л. К. Верховская. Ими были изучены 110 отчетов из фондов ПГО "Камчатгеология", центральных фондов и ЦНИГРИ. В результате получилось обобщение с хорошей фактической и научной основой.

Геологи выделили на территории Камчатки 4 платиноносные зоны: Куюльскую, Палано-Ватынскую, Валагинско-Карагинскую и зону восточных полуостровов. Также были выделены две перспективные структурно-металлогенические зоны - Срединно-Камчатско-Ганальская и Мургалская. Впервые были описаны все известные проявления россыпной и рудной платины, а также давалась подробная геологическая характеристика всех массивов гипербазитов и габброидов Камчатки. В списке, составленном группой Ёркина, уже фигурируют 47 проявлений и перспективных точек платиновой минерализации на карте масштаба 1:200 000. Кроме того, авторы дали геолого-экономическую оценку

платиноносности полуострова и предложили основные направления поисковых работ. Одним из первоочередных объектов для исследований назывался Куюльский массив в Пенжинском районе Камчатки.

Помните смерть начальника Каменской партии Николая Сергеевича Чугунова в водах реки Пенжины в 1947 году, о которой я рассказал в самом начале этого очерка? После гибели Чугунова место руководителя работ по поискам алмазов занял другой геолог - Петр Григорьевич Туганов. Он закончил работу в 1948 году, алмазов не обнаружил, но в шлихах из рек Айнын и Кингевеем нашел мелкие зерна платиноидов - осмистого иридия и рутенистой платины, а также золота. Указанные реки размывали территорию, на которой выделялось огромное тело гипербазитов - так называемый Куюльский массив.

Представьте себе скалистые горы, совершенно лишенные растительности. Это и есть гипербазиты. На них негде цепляться корешкам растений. Лишь под ними расстилается тундра с богатейшими ягодниками жимолости, голубики, шикши, брусники и кислицы, а долины рек поросли зарослями кедрового стланика, ольхи и карликовой березки. Как подарок путникам в этих суровых местах, на южных склонах встречаются эдельвейсы.

В 1950-51 годах в районе Куюльского массива проводил геологическую съемку масштаба 1:100 000 геолог М. Н. Кожемяко. На террасах реки Веселой (местное название Тынгываям) им были обнаружены золотоплатиновые россыпи. Среди платиноидов преобладал осмистый иридий. Были отмечены сростки платиноидов с хромитом и серпентинитом.

В 1954 году Куюльский массив изучала петрограф И. Е. Заединова. Она предположила, что массив этот вышел на поверхность в твердом состоянии, был выдавлен как щит, порвав вмещающие породы. И с течением времени он почти не подвергся эрозионным изменениям. Одним словом, этот холодный пирог так и не дал крошек, а потому и нечего искать их вокруг него в виде платины, золота, алмазов или чего-то еще.

Но прошли годы, а интерес геологов к Куюльскому массиву не ослабевал. Уж очень необычным "китом" лежал он среди тундры и остальных горных пород. Как инопланетянин. К тому же в 1963 году геолог В. П. Похиалайнен нашел в его теле проявление хромитов. А где хромиты в гипербазитах, там ищи как минимум россыпную платину.

И стали искать. Как говорилось в предыдущей главе, в реке Айнын, также размывающей территорию Куюльского массива, Ф. Ш. Кутыев нашел демантоиды и поисковые признаки на алмазы и платину. А в 1980 - 83 году на массиве, а точнее в бассейнах рек Веселая и Тихая, Тихореченская партия геолога В. И. Перунова из Северо-Камчатской экспедиции провела поисковые работы и подтвердила наличие россыпной платины, а также выявила платиновую минерализацию в телах хромитов. Правда, все это было в таких ничтожно малых количествах, что никакого практического значения представлять не могло.

В 1983 году к исследованиям массива приступил Куюльский отряд той же Северо-Камчатской экспедиции. Руководил отрядом В. В. Светлов. В задачу отряда входили поиски золотоплатиновых россыпей в реках

Веселая и Тихая и их коренных источников.

Основными видами работы были геологические маршруты, проходка шурфов и канав и бурение скважин. Работа была сложной, но интересной, позволяла глубоко вникнуть в петрографию гипербазитов и минералогию платиноидов и хромитов. "Это была настоящая школа, - вспоминает Владимир Николаевич Мелкомуков, который начал работать на Куюльском массиве в апреле 1984 года, сменив начальника отряда Светлова. - Здесь я по-настоящему увлекся платиной, и у меня появились задумки о возможных дальнейших работах по ней".

При проходке шурфов отряд столкнулся с сильным водопритоком, буквально не позволявшим проводить работу. Пришлось заменить шурфы колонковым бурением при помощи установки УПБ-100ГТ, смонтированной на гусеничном вездеходе ГАЗ-71.

Пока буровики занимались скважинами, геологи искали коренные источники сноса платиноидов в реки. В первую очередь исследовали тела хромитов, которые сами по себе представляли высококачественную руду. Содержание в них окиси хрома составляло от 30 до 44 процентов. Связь платиноидов с ними подтвердилась.

К концу работы (1985 год) в реках Тихой и Веселой оконтурились небольшие золотоплатиновые россыпи. Особенно ценным было то, что в них присутствовал иридий осмий. Но еще более ценным результатом работ стал опыт, накопленный геологами Северо-Камчатской экспедиции по исследованию платины как россыпной, так и рудной. Опыт личный и опыт в копилку понимания геологии платины. Судьба как будто бы специально вела северо-камчатских геологов, в том числе Владимира Николаевича Мелкомукова, навстречу Фариду Шакировичу Кутыеву, который в это время тоже "шлялся" по просторам Корякии в поисках признаков платиноносности. Большой платиноносности, продуктивной. Он теоретизировал и занимался практикой одновременно, и еще не знал, что через какое-то время будет иметь в лице геологов из Северо-Камчатской ГРЭ хороших соратников-практиков. Когда они найдут друг друга, то найдут и Большую платину...

4.

В начале лета 1984 года группа Кутыева, как обычно, начала очередной полевой сезон. На этот раз она вылетела на север, в Корф, откуда перебралась в село Хаилино, а затем дальше - на реку Тапельваям, к подножью горы Сейнав.

Тапельваям своей долиной разрезает на две части Сейнавский гипербазитовый массив, который представляет собой высоко вздымающееся над окружающей местностью горное образование (1186 м над уровнем моря), вытянутое в меридиональном направлении на 17 километров. Именно здесь в 1952 году геолог А. Г. Погожев отмечал при проведении геологической съемки шлиховую платину. Массив сложен, в основном, пироксенитами и дунитами, отличается от Куюльского, но также относится к ряду ультраосновных, а потому интересует Кутыева. К тому же в 7 километрах к западу находится еще один подобный массив - Гальмоэнанский, в котором локализуется хромитовая минерализация. В

1975 году партия геолога Э. С. Алексеева при геологической съемке масштаба 1:200 000 установила в этих хромитах проявление платины, и Кутыев решает проверить эти находки.

Как вспоминает геолог Владимир Алексеевич Полетаев, "полевой быт Кутыев обставлял со вкусом. Для стоянки он обязательно выбирал хорошее место на рыбной речке, с красивыми местами. Он был в геологии "свободным художником", поэтому сам выбирал район работ. Обосновать это было не трудно, тем более что Кутыев шел не вслепую, а строго по перспективным местам и объектам. Сейнаровский и Гальмознанский массивы как раз были таковыми...".

В тот полевой сезон в правом притоке Тапельваяма группа Кутыева обнаружила в шлихах весовую платину. То есть, это были уже не единичные значки металла, а количество, достойное того, чтобы обратить на район серьезное внимание. Это было отмечено в заявке, поданной в ТГФ Камчатгеологии. К тому же в аншлифах из гипербазитов Гальмознанского массива была обнаружена платина рудная, что подтверждало находку Э. С. Алексеева в 1975 году.

5.

Итак, Межведомственное целевое научно-производственное объединение "Платина", родившееся в 1984 году, занималось не только теорией, но и практическими поисками. Уже через год-два это объединение было широко известно в среде геологов. Относились к нему по-разному. О нем говорили, им интересовались, его критиковали... Одним словом, равнодушных по отношению к МЦНПО не было.

Программа работ МЦНПО была разбита по времени на три этапа: подготовительный, основной и заключительный. Подготовительный этап длился два года - 1984 - 1985.

4 февраля 1986 года бюро научно-технического совета объединения "Платина" решило провести заседание, чтобы подвести итоги первого этапа. Вел заседание Фарид Шакирович Кутыев. Из членов бюро присутствовали Е. И. Богданов, В. Г. Лазаренков, Е. Г. Сидоров. Кроме того, было 19 человек приглашенных. От ПГО "Камчатгеология" присутствовали В. И. Лаштабег, Ю. И. Харченко, В. М. Еркин, В. А. Полетаев, В. В. Мореплавцев, Г. П. Яроцкий. От ПГО "Севморгеология" - Н. И. Пуляев. От КГПП "Далькварцсамоцветы" - Б. К. Долматов и Б. И. Широкий. От Института вулканологии - В. М. Сугробов, Ю. А. Филиппов, Н. Н. Кожемяка и А. И. Байков. От СВКНИИ ДВНЦ АН СССР - А. Г. Мочалов, от Камчатского обкома КПСС - В. П. Шилохвост.

В результате заседания, выслушав выступления присутствующих, бюро постановило:"

1. Считать подготовительный этап программы МЦНПО "Платина" по разделам "Геология", "Аналитика", "ЭВМ и материальное обеспечение" выполненным.
2. В связи с тем, что освоение россыпных месторождений металлов платиновой группы является наиболее быстрым и реальным путем получения металлов платиновой группы с минимальными капитальными затратами,

поставить перед Мингео СССР и РСФСР вопрос о необходимости резкого увеличения ассигнований и технических средств на поиски и разведку россыпных месторождений металлов платиновой группы на территории Дальневосточного экономического района (ДВЭР), включая работы на шельфе и, в первую очередь, в районе Аяно-Майского побережья и Пенжинского залива.

3. Считать недопустимым такое положение, когда известные проявления платиноидов на севере Хабаровского края, о которых еще в 1976 г. академик Н. А. Шило и член-корр. АН СССР Е. И. Богданов докладывали Госплану СССР, не осваиваются надлежащим образом. Поддержать предложение директора ИГД ДВНЦ АН СССР члена-корр. Е. И. Богданова о необходимости усиления геологоразведочных работ с тем, чтобы в 1986 году передать ВПО "Союззолото" запасы по металлам платиновой группы для промышленной эксплуатации индустриальными высокоэффективными способами. Генеральный проект отработки месторождения должен включать помимо проблем инфраструктуры района, наиболее эффективную технологическую схему обогащения песков и получения концентратов с полным использованием всех полезных компонентов россыпи, с обязательным применением отсадных машин типа ОМТ для улавливания самородков. До начала работ по генеральному проекту считать целесообразным отказаться от старательских способов отработки месторождения с переходом на государственную добычу с применением эффективной промышленной технологии. С этой целью поставить перед ВПО "Союззолото" вопрос о выделении для ПО "Приморзолото" целевым назначением трех приборов ПКБ-100, из числа изготавливаемых Магаданским механическим заводом по плану 1986 г., и изготовлении на том же заводе в 1986 году трех машин ОМТ-800. Это позволит уже в 1987 году в несколько раз увеличить добычу платины на месторождении и отказаться от хищнических старательских методов отработки.

4. Поручить Институту горного дела ДВНЦ АН СССР (г. Хабаровск) подготовить конкретные предложения по расширению раздела "Горное дело" программы МЦНПО "Платина" к 1 октября 1986 г. в соответствии с разработками новых прогрессивных технологий.

5. Одобрить деятельность Центральной лаборатории ПГО "Камчатгеология" по развитию методов исследования минерального сырья на металлы платиновой группы и золото. Учитывая большие мощности Центральной лаборатории рекомендовать Мингео РСФСР осуществить централизацию производственно-аналитических исследований на металлы платиновой группы по Дальневосточному региону в ЦЛ ПГО "Камчатгеология" на хозяйственных началах с организациями-соисполнителями.

6. С целью повышения эффективности поисковых работ на металлы платиновой группы ходатайствовать перед Мингео РСФСР о выделении ЦЛ ПГО "Камчатгеология" атомно-абсорбционного фотометра импортного изготовления с графитовым атомизатором типа "Пайюникум" или "Перкин-Элмер-5000".

7. В связи с тем, что работы по геофизическим и геохимическим методам поисков и оценки месторождений металлов платиновой группы свидетельствуют о перспективности этих методов, рекомендовать ПГО (Мингео РСФСР), ИЗК, ЛГУ, ЛГИ (Минвуз) расширить и конкретизировать перечень задач от стадии изучения геологических закономерностей рудных районов (узлов, полей) до прогноза конкретных рудных тел.

8. Для обмена информацией по геологии рудопроявлений металлов

платиновой группы, апробации полученных материалов, необходимых для составления металлогенической и прогнозной схем на металлы платиновой группы для территории ДВЭР, провести расширенное заседание НТС МЦНПО "Платина" в г. Хабаровске в середине ноября 1986 г. В программе заседания предусмотреть также обсуждение вопросов по технологии извлечения платиновых металлов из россыпных месторождений.

9. Для организации и проведения расширенного заседания НТС МЦНПО "Платина" утвердить оргкомитет в составе: академик Н. А. Шило - председатель, член-корр. АН СССР Е. И. Богданов - зам. председателя, кандидат г-м. наук Ф. Ш. Кутыев - зам. председателя, доктор г-м. наук В. В. Ручкин - зам. председателя, кандидат г-м. наук Н. И. Лаврик - зам. председателя.

Подписи:

Зам. председателя, член-корр. АН СССР Е. И. Богданов.
Зам. председателя, к. г-м. наук Ф. Ш. Кутыев.
Зам. председателя, д. г-м. наук В. Г. Лазаренков.
Ученый секретарь Е. Г. Сидоров".

6.

Заведующий лабораторией платины ЦНИГРИ Владимир Михайлович Шашкин был одним из ведущих специалистов бывшего СССР по платиновым металлам. Собрав информацию о платине Камчатки, он обратил внимание на сходство геологии Сейнав-Гальмоэнанского узла с геологией известных, богатых платиновых россыпных месторождений Урала и Аляски. Тогда же он высказал предположение о перспективности именно Олюторской платиноносной зоны.

"Он задолго до начала полевых работ по поискам россыпей и изучению платиноносности на севере Камчатки прогнозировал возможное открытие здесь россыпей и даже давал перспективную оценку запасов платины в пределах 20 тонн, - говорит геолог Вениамин Петрович Зайцев, возглавляющий геологическую службу предприятия "Корякгеолдобыча". - Он основывался на сопоставлении уральских и аляскинских россыпей и их источников с Сейнав-Гальмоэнанским узлом. Шашкин первым в тогдашнем еще министерстве геологии СССР настаивал на выделении необходимых ассигнований для изучения россыпной платины на Камчатке. Так что как теоретик прогноза он, несомненно, стоит в списке первооткрывателей".

С Зайцевым согласны не все. Например, Владимир Алексеевич Полетаев говорит, что "любой геолог мог бы высказаться подобным образом, когда вся информация была налицо". Полетаева, по сути, поддерживает Анатолий Иванович Байков: "У него специализация, он в Испании работал, деньги были, там его отряд, но, в то же время, курировал всю Россию, у него были все данные для работы, для сопоставлений. Ему нужны были наши материалы, и, получив их, он быстро во всем разобрался".

Как бы там ни было, а положительная роль Шашкина в открытии камчатской платины заключается в том, что, поверив в нее, он, как ведущий специалист, правая рука заместителя министра геологии РСФСР Б. И. Беневольского по науке, "играл" на камчатцев, помогал им, отстаивал в высоких кабинетах их интересы. Другое дело, что интересы эти на самой Камчатке защищали, в основном, участники МЦНПО

"Платина", то есть небольшая группа геологов. А вот в ПГО "Камчатгеология" в нее не особо верили, и первым не верил Виктор Петрович Хворостов, ставший в 1986 году главным геологом объединения. Основной аргумент был один: если бы что-то серьезное было - давно бы нашли. Но, как оказалось, съёмщики под руководством Алексеева платину пропустили. Рудную минерализацию отметили, а в шлихах ее даже не видели.

Решающую роль в истории открытия камчатской платины Шашкин сыграл в 1989 году, когда с его помощью были получены первые целевые деньги на поисковые работы в Сейнав-Гальмознанском узле.

"В 1989 году в Туле состоялось министерское совещание по платине, - рассказывает об этом Анатолий Иванович Байков. - Для нас это было важное мероприятие, так как представлялась возможность заявить о себе перед большим собранием, перед чиновниками министерства, заявить о МЦНПО, о камчатской платине. Официально вызывали туда Хворостова, но он не полетел. Не был там и Полетаев, который вел в "Камчатгеологии" платину. Кутыев тоже не смог поехать. Волею обстоятельств оказался там я.

Меня признали как официального представителя МЦНПО "Платина", поселили в гостинице и даже держали в моем номере койку для представителя ПГО "Камчатгеология". Ждали Полетаева, которому так и не оформили командировку в ПГО "Камчатгеология".

Утром первый день заседания, а я весь вечер сижу в номере и готовлюсь. Задаюсь вопросами: что же будут спрашивать, как построить свое выступление, о чем говорить?

Ситуацию я чувствовал, а потому решил, что мне надо не о перспективах рассказывать, а говорить о нашем МЦНПО. Ведь слушать-то будут чиновники. Для них перспективы - это вторично, о перспективах все говорят и, как обычно, приукрашивают. Первично - что мы делали, создав МЦНПО: проводились ли совещания, велись ли протоколы и так далее. С их точки зрения, предприятие является живым, рабочим организмом, если проводятся совещания, если на них присутствуют уважаемые люди, подводятся итоги выполнения программы. Такому предприятию и помочь можно.

Обдумав это, я приготовил все наши решения, протоколы, другие бумаги, аккуратно сложил в папку. Даже наизусть выучил эту часть доклада. Надо сказать, волновался сильно.

Открыл совещание заместитель министра Беневольский. Говорит: "У нас образовалась новая организация с каким-то странным названием - МЦНПО. Что они там делают? Кто такие? Тут их представитель сидит, я предлагаю дать ему первое слово, мы его послушаем".

Я вышел, положил свои бумаги и, не читая, начал им рассказывать об этом самом непонятном МЦНПО: структура, кадровый состав, заседания, решили, постановили, это выполнено, это в стадии выполнения, конференцию провели, и так далее... Подчеркнул, что не позволяем себе никакого нигилизма, наоборот, просим обратить на нас внимание...

Смотрю: слушают. И, похоже, нравится. В их духе.

-Да, - говорит Беневольский. - Да... Ну что же, действительно, есть такая организация. Надо подумать... Значит, Дальний Восток по платине объединяется... Конечно, у них месторождение Кондёр есть, а это неплохо... Ну, послушаем представителя "Камчатгеологии". Представителя нет? Будет? Ладно, завтра послушаем...

Стали слушать других. Докладывали главные геологи объединений. Неожиданно сел в калошу якутянин, ему ассигнования на платину срезали, образовался резерв. Ну, думаю, надо бороться...

После заседания ко мне подошел Шашкин и говорит:

-Ты правильно построил доклад. Я завтра предложу включить тебя в список рабочей комиссии. Ты пройдешь. Чиновники увидят: раз включили в рабочую комиссию представителя этого самого МЦНПО, значит, надо его признать. И признают. А рабочая комиссия по деньгам решает. Это уже что-то...

На второй день представителя камчатской геологии так и нет, пришлось опять мне к трибуне выйти. Но это было уже просто, это был обычный доклад. Я сказал, что у нас кругом находки, что вообще очень хорошо на Камчатке с платиной, большие перспективы по геологическим данным. Послушали меня чиновники, отнеслись нормально, хотя и без восторга. Вошел я в рабочую комиссию.

Перед заседанием рабочей комиссии Шашкин мне опять говорит:

-Вопрос по деньгам надо поставить мудро. Много просить нельзя - упрутся, глядишь, все потеряем. Месторождения ведь никакого пока нет. Мало тоже нельзя, мало - это мало. Пусть будет 300 тысяч. Это не миллион, в глаза не бросится, а на отряд хватит.

Два места было, на которые деньги давали, - Усть-Камчатск и Сейнав. В Усть-Камчатске платина осмий-иридиевая, в 7-8 раз дороже золота, но ее россыпи мелкие, до сотни килограммов. Нескольких тонн там трудно ожидать. А Сейнав - платина железистая, перспективная на крупные россыпи. Как решит Беневольский? Обдумывая вариант Усть-Камчатска, тот засомневался: "Там Нерпичье озеро, поднимутся экологи, "зеленые"... Давайте, возьмем Сейнав...". И дали целевым назначением на Север 300 тысяч рублей".

ОТКРЫТИЕ БОЛЬШОЙ ПЛАТИНЫ

1.

Известие о выделении министерством денег для поисков платины на севере Корякии привез в Корф руководителям Северо-Камчатской экспедиции Фарид Кутыев. Главный геолог экспедиции Леонид Леонидович Ляшенко тут же вызвал к себе старшего геолога по поискам Юрия Павловича Рожкова и геолога Владимира Николаевича Мелкомукова, имевшего опыт работы с платиной на Куюльском массиве. Вчетвером они

сели перед геологической картой района и стали совещаться.

Кутыев рекомендовал провести работы в районе Сейнавского массива. Мелкомуков уточнил: в районе соседнего с ним Гальмознанского массива, так как именно там, по его предварительным теоретическим разработкам, следовало искать именно железистую платину. Тогда решили, что в участок работ должны войти оба массива.

- Володя, теперь слово за тобой. Начинай заниматься организацией новой партии, пиши проект работ на 1990-й год, - напутствовали собравшиеся Владимира Мелкомукова.

Кандидатура Мелкомукова не была случайной. К тому времени Владимир Николаевич уже 15 лет проработал в Северо-Камчатской экспедиции и хорошо знал и геологию региона, и геологию платины. К тому же это был настоящий труженик, закаленный многими полевыми сезонами, проведенными в тундре.

Его назначили начальником новой партии, несмотря на то, что он в это время был занят составлением геологической карты листа Р-59-XVI, которому отдал несколько последних лет работы. Составление карты и отчета шло к завершению, защищать их оставили другого геолога - Александра Разумного, а Мелкомукова перебросили на новый объект. И он согласился, потому что речь шла о платине, которой он давно интересовался.

Владимир Николаевич Мелкомуков окончил геологический факультет Пермского университета. Это было в 1972 году. Тогда же он был призван в армию. Служил в Петропавловске-Камчатском, был лейтенантом, командиром взвода. После службы, в сентябре 1974 года, пришел в Камчатское геологическое управление и попросился на работу. Его направили старшим техником-геологом на далекий Север - в Сергеевскую партию. С тех пор он и посвятил себя исследованию недр Корякии.

За считанные год-два из бывшего студента и бравого лейтенанта Мелкомуков превратился в хорошего геолога. Но на разведке Сергеевского золоторудного месторождения долго не задержался - через год был переведен геологом Каменистой геолого-поисковой партии, а еще через несколько месяцев стал ее начальником. Так и был затем много лет связан с поисками различных полезных ископаемых, прошел через несколько партий - Малиновскую, Белогорскую, Пенжинскую геолого-съёмочную, Пикасьваямскую, Куюльский отряд. И вот теперь ему поручили организовать новую партию - платиновую. Назвали её Сейнавской, по имени горы, в районе которой она должна была работать.

Не откладывая дело в долгий ящик, Мелкомуков сел за составление проекта работ.

2.

Базу для летней стоянки партии Владимир Мелкомуков наметил в верховьях реки Левтыриновьям. Ранней весной он отправился туда на вездеходе для разведки.

Управлял вездеходом Александр Базелеев, который знает тундру от Ильпыря до истоков Пенжины как свои пять пальцев. Он начал работать

на севере одновременно с Мелкомуковым - в 1974 году, и достаточно успел помотаться по партиям и участкам.

Когда приехали на Левтыриновьям, обнаружилось, что долина реки сплошь покрыта наледью и вверх, как намечалось, пробиться невозможно. Тогда нашли другое подходящее место, выгрузили привезенные стройматериалы. Мелкомуков прошел по наледи вдоль береговых обрывов, мысленно порадовался тому, что здесь было очень много удобных мест, где можно заложить расчистки для изучения рыхлых отложений речных террас и долины. Тогда Мелкомуков еще не знал, что волею судьбы выбрал место для летней базы и наметил первые расчистки как раз в центре будущей промышленной платиновой россыпи, ее самого богатого участка. Как будто бы глас сверху ему сказал: "Дальше ехать незачем, остановись и ищи здесь".

Предвкушение большой, интересной работы не покидало его всю обратную дорогу. Хотелось поторопить время, чтобы быстрее растаяли снега, и партия смогла окончательно выехать в поле и приступить к поискам.

Первыми из состава партии вылетели на новый участок техник-геолог Сергей Слободчук и рабочий В. С. Петренко, которого все называли Сергеичем. В их задачу входила организация лагеря и строительство бани. Для этого вертолетом забросили бревна и доски.

Вскоре, следом за передовой группой отправились на участок все остальные. Кроме самого Мелкомукова это были студенты-практиканты: девушки Е. М. Дудник из Благовещенского техникума, Д. В. Блохина из ДВПИ, Марина Митюхина из Московского техникума и двое ребят из Львовского университета - В. Г. Чупровский и А. М. Бучек. Навалившись, всем миром достроили баню, поставили 5 палаток, кое-как обустроили свои временные жилища и приступили к работе.

Для начала Мелкомуков собрал своих студентов и повел их вдоль реки, чтобы обучить работе с лотком, показать, где и как нужно отбирать шлиховые пробы. Это был рекогносцировочный, учебный маршрут, но, к большому удивлению самого Владимира Николаевича, буквально в первых же отмытых пробах оказалась мелкая платина.

"Для студентов это имело большое значение, - вспоминает В. Н. Мелкомуков. - Они сразу увидели платину, научились отличать ее от других темных минералов в шлихе, убедились, что территория непустая. Им по-настоящему стало интересно.

Все лето мы ходили в маршруты, отбирали по сетке металлометрические пробы. Сергеич проходил расчистки. Вскоре мы убедились, что в реке Левтыриновьям четко прослеживается шлиховой платиновый ореол. Как ни странно, но геологи-съёмщики пропустили его, у них вообще был здесь ноль по шлиховой платине. А мы начали получать серьезные подтверждения о наличии промышленного металла. Уже во второй расчистке, пройденной на низкой террасе реки, были также обнаружены первые зерна платины, а в 8-й расчистке пошла уже платина весовая, настоящая".

В сентябре партию усилили техниками-геологами Александром

Собакиным, Николаем Семеновым и геологом Александром Ицковым. Из бассейна Левтыриновьяма геологи перешли в бассейн реки Ветвей. Ее притоки ручьи Ледяной и Сентябрь совсем не даром были так названы - их шлиховали в сентябре и даже позже, когда пошли забереги, вода стала невыносимо холодной. Здесь также был получен весовой металл.

Так, летом 1990 года геологом Владимиром Николаевичем Мелкомуковым была найдена россыпная платина в Сейнав-Гальмознанском узле. Еще не было обнаружено ни одной россыпи, как таковой, но уже было ясно, что они обязательно здесь будут. Но какими они будут? Удастся ли найти Большую платину? Разрешение этих вопросов переносилось на следующий, 1991-й год. Объект оставался в плане работ Северо-Камчатской экспедиции, министерство снова выделило на него деньги.

3.

Зимой 1991 года в Сейнавскую партию был назначен старшим геологом Игорь Матюшкин. Приехала молодая специалистка, супруга Ицкова - Елена. В полевых работах принял участие геолог Андрей Горячев. Готовые шлихи изучала Людмила Семиколенных. И, конечно, в партии оставались прежние сотрудники - Сергей Слободчук, Александр Собакин, Николай Семенов, Александр Ицков.

К выезду в поле партия была хорошо укомплектована и оснащена. Ей уже уделяли в экспедиции серьезное внимание. Кроме металлометрической съемки и проходки расчисток на этот раз на реке Левтыриновьям было организовано бурение под руководством мастера Михаила Ивановича Шевченко. Бурили установкой, смонтированной на трелевочном тракторе. Бурение давалось тяжело, но в скважинах, которые удалось пройти, была обнаружена платина. Всего в 1991 году было пройдено 5 поисковых линий буровых скважин.

На ручьях Ледяной и Сентябрь поиски велись при помощи маршрутов и проходки расчисток. В расчистке №36, которую задал старший геолог Игорь Матюшкин, были получены промышленные содержания платины.

Министр природных ресурсов России А. Орлов вспоминает в одной из телепередач Льва Николаева "Цивилизация": "Ребята, съемщики с Камчатки, пришли ко мне в кабинет и принесли пробирочку. В ней было насыпано с полсантиметра этого серого металла. Я спросил: где? Потому что у нас была монопольно платина в Норильске и Хабаровском крае, всего два объекта, остальное - мелочь. Оценили геологическую ситуацию, посмотрели геологические материалы. И поддержали...".

"К этому времени были получены такие результаты, что объект интересовал уже всех - от геологов разных институтов и нашего объединения до министерского начальства, - говорит Владимир Николаевич Мелкомуков. - Пошли разговоры о том, что надо писать дополнение к проекту, резко увеличивать объемы работ, применять ударно-канатное бурение. Денег сулили сколько хочешь. 1992 год должен был стать решающим. Он и стал решающим. На ручье Ледяном мы пробурили линии 253, 235, 227, 272, 16-ю по Левому Левтыриновьяму и половину 199-й линии. И все скважины на них получили промышленный

металл. Это была территория длиной 6 километров. Таким образом, летом 1992 года на ручье Ледяном была открыта первая промышленная платиновая россыпь Камчатки. Я посчитал там прогнозные ресурсы, и у меня получилось 1,5 тонны. Это был первый подсчет на Ледяном. На следующий год мы подсчитали в центральной части россыпи, в блоке длиной 1,5 километра, уже запасы по категории С2, и получилось более 3-х тонн".

Геолог Владимир Полетаев, курирующий тогда в ПГО "Камчатгеология" работы по платине, провел в партии Мелкомукова половину полевого сезона. Он вспоминает: "Мелкомуков - великий труженик. Я не переставал ему удивляться. Он не сидел на месте, сам ходил с лопатой, лотком. Ведь найти платину не всякий может, ее трудно поднять, до нее докопаться надо. Почему предыдущие исследователи не находили даже ее следов? Да потому, что она тяжелая, проседает на самое дно пласта, а пробы для промывки берут обычно почти сверху. Мелкомуков же копал до самого низа, до дна, не сидел на месте, искал правильно, толково, целенаправленно. И результат - нашел".

Нашел! Большая платина, о которой мечтали Фарид Кутыев и его сподвижники, коллеги по МЦНПО "Платина", их идейный вдохновитель академик Николай Алексеевич Шило, была открыта.

К сожалению, Кутыеву не довелось "искупаться" в славе одного из первооткрывателей платины на Камчатке, не довелось по-настоящему порадоваться открытию. В феврале 1993 года он улетел на Аляску - решил вкусить зарубежной жизни, поучиться уму-разуму у американцев. К тому же там у него были друзья, в том числе жительница Аляски Эбигайль Вудбридж, годом раньше привозившая на Камчатку своих соплеменников-туристов. Вскоре с Аляски на Камчатку пришло официальное письмо, подписанное начальником полиции Гленном А. Харбетом: "Ф. Кутыев умер 29 марта 1993 года, вероятно, от сердечного приступа во время работы грузчиком на Уналашке". В другом документе - телеграмме - сообщалось, что тело Кутыева отправлено в Анкоридж на кремацию. Подписано: "Эби Вудбридж" (по упомянутой выше рукописи А. И. Цюрупы).

ПО СЛЕДАМ ПЛАТИНЫ

1.

В 1992 году Северо-Камчатскую экспедицию возглавлял Владимир Александрович Логинов. Главным инженером экспедиции был Виктор Борисович Уваров.

Это было время распада Советского Союза. Республики суперстраны становились самостоятельными государствами. Когда-то единое экономическое пространство также было посечено границами. Разразился кризис, стала гибнуть промышленность. Геологическая отрасль осталась невостребованной - государствам было не до нее, а у промышленности не было средств на геологические исследования.

"Резко уменьшилось финансирование работ, многие партии остались без дела, - вспоминает то время В. А. Логинов. - Эта же участь постигла и

самую крупную партию нашей экспедиции - Аметистовую. Как раз перед этим для Аметистовой был составлен новый проект, которым предусматривалось проведение больших объемов разведочных работ. Партия была на подъеме, ее коллектив состоял из 130 человек, причем это были настоящие специалисты. И вдруг все рухнуло. Людей нужно было куда-то девать, вывозить их семьи, отправлять уволенных на материк. Начался очень тяжелый процесс ликвидации.

Мы с главным инженером Уваровым ломали головы: что предпринять? Думали даже начать на Аметистовом месторождении добывать руду собственными силами. О платине уже никто и не говорил, по большому счету было не до нее, хотя Сейнавская партия под руководством Мелкомукова сезон 1992 года еще работала на своем участке. Была мысль передать в следующем, 1993 году поиски платины Пенжинской экспедиции, которая как раз и специализировалась на россыпях. Были и другие проекты, которые могли бы позволить экспедиции еще какое-то время продержаться, чтобы не пострадали люди...".

В разговорах и поисках выхода из кризиса выкристаллизовывалось главное: без добычных работ экспедиции долго не продержаться. Надо начать добычу какого-то полезного ископаемого. Какого? Где? Наиболее просто это можно было сделать только на россыпи. Остановили свой выбор на участке Прижимном, где когда-то Логинов разведывал золотую россыпь.

"В экспедиции был создан добычной отряд, - рассказывает геолог, активный участник тех событий Виктор Серафимович Уланов. - Для проведения работ нужна была лицензия. Все согласования мы провели, вопрос уже должен был рассматриваться на Малом Совете Корякского окружного Совета депутатов, все складывалось для нас благоприятно, но в это время вышел номер "Российской газеты" с выдержками проекта закона Российской Федерации о недрах. И вопрос рассматриваться не стал.

Тогда Уварову удалось договориться с Камчатгеолкомом и экологами Корякии на проведение на Прижимном геолого-экологических исследований".

В августе 1992 года Северо-Камчатская экспедиция получила лицензию № 00002 для научно-исследовательских работ по теме "Создание экологической модели и эколого-экономическая оценка способа открытой разработки малых россыпных месторождений с попутной добычей применительно к природным условиям Корякского автономного округа. (Ручей Прижимный)".

"На Прижимном мы тогда впервые попробовали добывать золото, - вспоминает В. А. Логинов. - Всегда геологи занимались только его поисками и разведкой, а тут жизнь заставила заняться добычей. Были у нас две небольшие проходнушки, все остальное делалось вручную, дедовскими методами. И немудрено: денег-то нет, приобретать какую-то технику не на что. Решили обходиться подручными средствами".

Тот полевой геологический сезон 1992 года оказался для Северо-Камчатской экспедиции решающим: Сейнавской партией были открыты промышленные платиновые россыпи на ручье Ледяном и ручье Левтыриновьям, а на участке Прижимном удалось добыть своими силами около 3 килограммов золота. Добытое золото принесло доход, который

окупил затраты. Геологи впервые за несколько месяцев держали в руках "живые" деньги.

Тогда и стало очевидным, что без дальнейших добычных работ не обойтись. Но организовывать их надо не в составе обнищавшей Северо-Камчатской экспедиции, а в новой производственной структуре, специально для этого созданной. Виктор Борисович Уваров взялся за организацию акционерного общества. Акционерами стали 378 сотрудников геологической службы Камчатки, "сбросившиеся" по 5 тысяч рублей, и АО "Вилуй", базирующееся в Петропавловске-Камчатском", ставшее основным инвестором. Свое вновь созданное акционерное общество геологи назвали "Корякгеолдобычей".

Примерно в это же время, поздней осенью 1992 года, председатель Камчатского геолкома Михаил Григорьевич Патока прилетел в Москву, в министерство, чтобы согласовать финансирование геологических исследований на предстоящий, 1993 год. Тогда, в частности, в Москве и заинтересовались открытием платиновых россыпей в Сейнав-Гальмознанском узле. Но денег на полную программу дальнейших исследований всего узла не дали, посоветовав выставить ручей Ледяной на конкурс. Да, именно тогда наступило время раздачи многих перспективных объектов для желающих, которые могли финансировать работы и проводить их. Само государство было уже не в состоянии делать это.

Так россыпь платины ручья Ледяного в конце 1992 года попала в конкурс на право пользования недрами с целью поисков, разведки и дальнейшей добычи платины. Промышленные перспективы этого участка были под большим вопросом, сама россыпь была только подсечена единичными горными выработками, работы пахивали большим риском, а потому претендентов не оказалось. Кроме... ЗАО "Корякгеолдобыча".

26 января 1993 года директор "Корякгеолдобычи" В. Б. Уваров держал в руках лицензию № 00024 на право производства работ на ручье Ледяном. Кроме того, новое акционерное общество выиграло еще три лицензии: на добычу золота из россыпей ручьев Малютка, Перспективного и Прижимного. С этого и началось развитие производственной судьбы ЗАО "Корякгеолдобыча", а также начался новый этап в исследованиях платиновых россыпей Корякии.

2.

В 1993 году геология, как отрасль хозяйства России, стала гибнуть. Министерство перестало выделять деньги на производство многих геологосъемочных, поисковых и разведочных работ. Партии и даже целые экспедиции одна за другой прекращали свое существование, геологи оставались без работы.

В качестве иллюстрации трагического положения геологии приведу один показательный пример. 27 мая 1994 г. на имя председателя Камчатского областного Совета Петра Премьяка поступило письмо от заместителя председателя федерального комитета по геологии Бориса Яцкевича, в котором говорилось, что "в 1993 году объем финансирования геологоразведочных работ в сравнении с 1990-м годом по Российской

Федерации составил 20%. Задолженность бюджета за выполненные геологоразведочные работы в 1993 году исчисляются суммой 379,9 млрд руб. при общем объеме выполненных работ 683,9 млрд руб. В структуре задолженности - 86,7 млрд руб. приходится на зарплату" (141).

Вот в такой ситуации продолжались работы по исследованию россыпей платины в Олюторском районе Камчатки. Но государство все-таки еще не прекратило финансировать эти работы. Только ручьем Ледяным, как было сказано выше, теперь занималось на собственные деньги ЗАО "Корякгеолдобыча". Остальные же участки перспективной площади продолжал исследовать Владимир Мелкомук в составе Северо-Камчатской ГРЭ.

В камеральный период 1992-93 годов им был выделен в достаточной степени разведанный участок территории на ручье Левтыриновьям, на котором можно было подсчитать промышленные запасы платины. Они оказались достаточными для того, чтобы стало возможным говорить о наличии здесь месторождения. Камчатгеолком начал готовить это месторождение для конкурсного аукциона. Когда документы были готовы, заявки на участие в конкурсе подали 5 предприятий. Уже пять! Еще бы, ведь теперь перспективы были очевидными!

А между тем Владимир Мелкомук продолжал исследовать северную часть Сейнав-Гальмоэнанского узла. Результаты работ обнадеживали, были установлены шлиховые платиновые ореолы еще в нескольких ручьях: Пенистом, Ирисовом, Ветвистом. Это подстегивало участников конкурса продолжать борьбу за лицензию на право производства работ на Левтыриновьяме. ЗАО "Корякгеолдобыча" также приступило к геологоразведочным работам на ручье Ледяном.

"В 1993 году я был директором по геологии ЗАО "Корякгеолдобыча", - рассказывает В. С. Уланов. - Мы заключили договор с Пенжинской экспедицией и завезли на Ледяной их буровую бригаду. Геологами в бригаде работали Александр Крутяков и Григорий Климанов. Кстати, Климанов отработал весь Ледяной снизу доверху...".

"В нижней части Ледяного у нас выявился промышленный контур россыпи длиной 320 метров, - продолжает рассказ В. А. Логинов. - Мы сказали: "Ого"! Пробурили следующую линию. А контур все такой же...".

Параллельно с этой работой "Корякгеолдобыча" приняла участие в конкурсе за лицензию на ручей Левтыриновьям. В начале лета 1993 года первый этап конкурса состоялся. В результате из пяти претендентов из конкурса выбыли трое. Остались старательская артель "Камчатка", руководимая Орестом Михайловичем Сычинским и ЗАО "Корякгеолдобыча".

Оставшиеся участники конкурса стояли буквально насмерть, чтобы получить лицензию. Администрация Корякского автономного округа и депутаты окружной Думы склонились в пользу артели "Камчатка", но Геолком с этим не согласился, настаивая на том, чтобы победителем было ЗАО "Корякгеолдобыча". Дело дважды доходило до суда, тяжбы и перипетии конкурса были буквально драматическими. В результате обладателем лицензии на поиски, разведку и добычу платины в бассейне ручья Левтыриновьям все-таки стало ЗАО "Корякгеолдобыча".

Лицензия на этот участок была выдана предприятию 4 ноября 1994 года, а за год до этого, еще в конце 1993 года, состоялся первый контакт между руководителями ЗАО "Корякгеолдобыча" и старательской артели "Чайбуха", которая вела тогда работы в Магаданской области. Президент артели "Чайбуха" Иван Васильевич Кобзев заинтересовался камчатской платиной, и в 1994 году артель вошла в число акционеров "Корякгеолодобычи". В том же году "Чайбуха" организовала на Ледяном свой добычный участок. Именно с того времени - с зимы 1994 года, началась промышленная добыча россыпной платины Камчатки.

3.

По утверждению специалистов, в том числе главного геолога ЗАО "Корякгеолдобыча" Вениамина Петровича Зайцева, открытие платины в Сейнав-Гальмознанском платиноносном узле стало крупнейшим геологическим событием конца двадцатого столетия в России. Это было отмечено и в протоколе КГЗ при защите запасов корякской платины.

"По нашей оценке узел содержит несколько десятков тонн платины, - говорит В. П. Зайцев. - Но этот узел является только частью большой Вывенско-Ватынской платиноносной зоны, имеющей длину около 400 километров при ширине 20 - 30 километров. По своим масштабам зона вполне сопоставима с Уральской платиноносной зоной.

В настоящее время на севере Вывенско-Ватынской зоны мы проводим геологическую съемку масштаба 1:50 000 и уже установили еще одну россыпь с весовыми содержаниями платины. Не ошибусь, если скажу, что в ближайшем будущем мы здесь, в Корякии, будем иметь новую платиноносную провинцию мирового масштаба, так как она имеет свое продолжение на Аляску. Они там раньше ее выявили, за период добычи взяли из нее около 20 тонн платины. Мы же только начинаем, у нас все еще впереди".

"Уступая цветным металлам по стоимости продукции, россыпи платины стоят вне конкуренции по показателям эффективности отработки, благодаря незначительным капвложениям и высоким содержаниям, - говорится в справке о состоянии минерально-сырьевой базы Корякского округа, подготовленной Камчатгеолкомом в 1997 году. - Проведенными за последние 5 лет геологоразведочными работами в Корякском АО выявлена новая платиноносная провинция, что позволило округу войти в число ведущих платинодобывающих регионов России.

Все выявленные к настоящему времени в пределах Корякского АО месторождения платины сосредоточены в Сейнав-Гальмознанском платиноносном узле в 60 - 90 км к северу от пос. Корф, в междуречье правых притоков реки Вывенки - рек Ветвей и Тапельваям.

Наиболее крупными размерами отличаются россыпи ручья Ледяного и ручья Левтыриноваям. Лицензии на геологическое изучение этих россыпей с попутной и последующей отработкой получило ЗАО "Корякгеолдобыча", которое в течение 1993 - 1996 гг. провело здесь разведочные работы и в 1996 г. защитило запасы обеих россыпей в ГКЗ РФ...

Гальмознанский и Сейнавский платиноносные массивы структурно

приурочены к Ватынской металлогенической зоне, протягивающейся от верховий р. Ветровая до бассейна р. Ватын. Тематическими исследованиями шлиховые ореолы платины установлены на крайнем северо-востоке зоны, а в дунитах Итчайваямского и Эименейского массивов литохимическим опробованием выявлены содержания платины более 1 г/т. Небольшие (до 100 кг) россыпи осмистого иридия выявлены также на севере Корякии в бассейне реки Пикасьваям.

Таким образом, уже по полученным к сегодняшнему дню результатам (1997 г.), можно говорить о выделении новой Корякской платиноносной провинции. Истинные масштабы ее платиноносности еще предстоит оценить" (142).

И СНОВА АЛМАЗЫ.

Я оставил тему алмазов, описывая работы, связанные с поисками платины. И вот вновь продолжаю повествование об алмазах. Эту тему и поныне разрабатывают ученые-геологи Института вулканологии из лаборатории металлогении под руководством Анатолия Ивановича Байкова.

В 1993 - 1995 годах ими были исследованы дубликаты минералогических и шлиховых проб, отобранных в предыдущие годы в наиболее перспективных на алмазы районах Камчатки. В дубликате минералогической пробы весом около 150 килограммов, взятой из авачитов в 1980 году, было выделено 26 зерен поликристаллических образований алмазов, относящихся к типу "карбонадо". Размер зерен от 0,1 до 1 миллиметра, и одно зерно - до 3 миллиметров. Зерна плотные, массивные, часто покрыты пленками графита. Цвет минералов черный, темно-серый и серый. Диагностика карбонадо была уверенно подтверждена рентгенофазовым анализом в Институте вулканологии аналитиком С. Г. Кокоревым, а в 1994 году - электронно-микроскопическими исследованиями в лабораториях Института геологии месторождений (ИГЕМ, Москва) под руководством А. И. Горшкова и в Университете Южной Флориды (Тамп, США) П. К. Кепежинским.

Как спутники карбонадо здесь же отмечались мелкие зерна карбидов кремния, красного корунда, платиноидов и единичные знаки золота. В лаборатории ИГЕМ был выделен как сопутствующий карбонадо крайне редкий минерал - самородный кремний. До этого его находили в кристаллах карбида кремния из алмазоносных кимберлитов Якутии, а также вместе с золотом - в архейских плагиогнейсах, вскрытых на глубине около 10 километров Кольской сверхглубокой скважиной. Напрашивался вывод, что образование алмазоносных авачитов Камчатки - это уникальный пример действия флюидно-магматической системы, в которой происходит синтез поликристаллических образований алмазов, что соответствовало гипотезе их вулканического происхождения, которую в 1970-х годах развивал В. С. Трофимов на примере алмазоносных кимберлитов в трубках взрыва. И действительно, прослеженный шлейф обломков авачитов приводил к леднику, заполняющему взрывную кальдеру Козельского вулкана, что подтверждало вероятную связь этих пород с взрывным (эксплозивным) вулканическим процессом.

Что такое карбонадо? Согласно "Геологическому словарю", это

разновидность алмаза, тонкозернистый, плотный или пористый минерал серого или черного цветов. На практике карбонадо являются представителями самых твердых технических алмазов и добываются только в россыпях Южной Америки, Африки, а также присутствуют в золотоносных россыпях Калимантана. Отдельные зерна карбонадо встречались в россыпи золота реки Кедровки (Средний Сихотэ-Алинь), где были описаны доктором геолого-минералогических наук С. А. Щекой, который с соавторами в 1995 году подчеркивал, что "агрегаты микрокристаллических зерен карбонадо до настоящего времени являются наиболее загадочными минеральными образованиями. Все их находки приурочены к россыпям, что затрудняет реконструкцию условий их образования" (143).

И вот карбонадо выделено в авачитах, находящихся в естественных условиях залегания! Понятно, что эта находка давала, наконец, возможность расшифровать условия образования "загадочных минералов". Кроме того, карбонадо из авачитов являлись дополнительными индикаторами условий давления и температуры в вулканических камерах. Последнее играло важную роль для построения модели геологического строения глубинной части Авачинской группы вулканов, что, в свою очередь, работало на прогноз сильных вулканических извержений.

В ноябре 1993 года в ТГФ Камчатгеолкома была зафиксирована заявка на первооткрывательство карбонадо в авачитах. Первооткрывателями значились А. И. Байков, Л. П. Аникин, Р. Л. Дунин-Барковский и Ф. Ш. Кутыев, при участии которого была отобрана та самая проба алмазоносных авачитов. Почти одновременно была зафиксирована заявка на перспективы алмазоносности платиносодержащих гипербазитовых массивов Корякского нагорья (Сейнав, Гальмоэнан, Эпильчик, Итчайваям) с рекомендацией организации ревизионных работ на алмазы на известных в Корякии россыпях платины. Сонахождение алмазов и платины подтверждается в россыпях Урала, Аляски и Калимантана (144).

В июле 1994 года была подана заявка на первооткрывательство алмазов типа карбонадо в золотоплатиновой россыпи реки Ольховой на полуострове Камчатского мыса. В числе первооткрывателей кроме А. И. Байкова, Л. П. Аникина, Ю. М. Стефанова и Р. Л. Дунина-Барковского опять был отмечен Ф. Ш. Кутыев, как участник отбора минералогических проб, которые изучались при ревизионно-минералогических исследованиях уже после его смерти. Здесь из коллекции шлиховых проб было выделено несколько десятков зерен, близких по облику к карбонадо (145).

Через год, в июле 1995 года, была подана заявка на первооткрывательство алмазов типа карбонадо с сопутствующими демантоидами в русловых отложениях рек Илистой, Горелой, Длинной и ручья Смятого на полуострове Валижген. Первооткрывателями являются А. И. Байков, Л. П. Аникин, Ю. М. Стефанов, Р. Л. Дунин-Барковский, Е. Г. Сидоров, В. Л. Семенов, В. С. Резниченко и А. П. Минаев. Здесь выделено около 40 зерен, похожих на карбонадо, размером до 2 миллиметров. Как сопутствующие минералы, установлены гранаты, в том числе фисташково-зеленые демантоиды, хромшпинелиды, серпентин (пластинчатая разновидность - антигорит), платиноиды и золото. Присутствие алмазов в

образцах непостоянно. Рентгенофазовым анализом в одном из образцов была установлена ассоциация алмаза, платины и гематита, что подтверждало перспективность оценки алмазности промышленных платиновых россыпей. Состав алмазосодержащих минеральных ассоциаций в шлиховых пробах свидетельствовал об их связи с выходами гипербазитов, широко представленных на Валижгенском полуострове. Здесь же в свое время были найдены и золото-платиновые россыпи с преобладанием среди платиноидов осмий-иридий-рутениевых разностей (146).

В 1996 году в лаборатории металлогении был завершен сводный отчет по теме "Алмазность базит-гипербазитовых комплексов Корякско-Камчатского региона" (авторы А. И. Байков, Л. П. Аникин, Ю. М. Стефанов). Это была первая сводка проявлений алмазов на территории Камчатской области. Она содержала почти десяток проявлений. В заключении отчета авторы отмечали, "что алмазность имеет первостепенное научное и практическое значение для островодужных систем Восточной Азии, в первую очередь - Индонезии, и в перспективе, для Корякско-Камчатского региона, расположенных в угловых секторах Западной Пацифики. Были намечены своеобразные вихревые (спиралевидные) структуры земной коры, как перспективно алмазные и платиновые образования, что нашло отражение на составленной "Структурно-минералогической схеме алмазности и платиности Корякско-Камчатского региона". Подчеркивалось, что некоторыми ведущими якутскими геологами для поисков месторождений алмазов рекомендовалось выявление зон ультраосновного (кимберлитового) вулканизма в условиях наибольшей толщины осадочного чехла земной коры, обогащенного органикой углеводородного типа, как наиболее подвижной. Отсюда следовало, вероятно, близкое сонахождение в пространстве алмазных проявлений и нефтегазоносных районов. А это еще раз подчеркивало, что проблема алмазности как проблема экстремальных геологических явлений имеет широкий круг выводов в практическом и теоретическом отношении (147).

Поиск алмазов на территории Камчатки продолжается. Ведут его все те же ученые из лаборатории металлогении Института вулканологии при ограниченных финансовых и технических возможностях. Руководитель лаборатории Анатолий Иванович Байков пишет: "Эффективное направление исследований алмазности предполагает привлечение научных методов прогноза на базе современного научного проявления - нелинейной металлогении, развиваемой академиком А. Д. Щегловым. Принципы нелинейной металлогении, вытекающие из связи рудных месторождений с процессами, происходящими в подкорковых глубинах Земли, придают прогнозу рудных месторождений в земной коре более творческий, нестандартный характер и, несмотря на необходимые затраты на поисковые работы, по мнению А. Д. Щеглова, "они несомненно принесут результаты в виде новых провинций и месторождений. Игра стоит свеч!" (148).

Игра стоит свеч! Тем более что большой отрезок пути уже пройден. Причем достаточно жертвенный...